

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД

М. Р. Арпентьева

Калуга, КГУ им. К. Э. Циолковского

УСЛОВНО-ДОСЛОВНЫЙ ПЕРЕВОД: «ЖЕЛТЫЕ ЛЕНТОЧКИ» ЧУЖДОСТИ И БЛИЗОСТИ

Работа посвящена проблемам перевода как процесса и результата понимания, диалога с текстом и его автором в процессе перевода. Особое внимание уделяется ксенологической перспективе диалога. Рассматриваются возможности и ограничения понимания переводимого текста, смыслов, заложенных автором в его структуру: «внутри» и «между» строк.

Современная практика предъявляет весьма высокие требования к качеству перевода: наряду с простейшим, «машинным» переводом, существуют многообразные варианты авторского условно-дословного перевода, при котором переводчик не только стремится воспроизвести переводимый текст как совокупность понятий и конструкций, но и выступает как соавтор текста, дополняющий текст, который будет звучать в новой культуре необходимыми для его понимания «обертонами». Такое дополнение и трансформация всегда рискованны, особенно если переводятся тексты художественные, многоуровневые и многозначные, тексты, наполненные специфическим для народа-носителя языка, определенным культурно-историческим содержанием, а также конкретным для автора переводимого текста психологическим «подтекстом», составляющим основную «магию» произведения. Аллологический или ксенологический подход к изучению проблем перевода и, шире, изучения само-бытия человека и текста предполагает изучение перевода как встречи и превращения Своего текста в Чужой, а Чужого – в Свой [1; 2]. Освоение Другого в контексте практик «условно-дословного» перевода и теоретическое осмысление роли Другого как фактора расширения смыслового горизонта переводчика и, позднее, читателя, связано, в первую очередь, с попытками осмысления человеческой жизни и его текстов как полилогов. Бытие человека имеет смысл, создаваемый в процессе со-творчества с другими людьми [3; 4, с. 30]. Б. Ванденфельс [5] отмечает, что человеческое существо «...мыслит другое как другое, как именно это, определенное, иное существо, чтобы соединиться с ним в сфере, простирающейся за пределы их собственных сфер – Между». Другой, своим существованием, своим отличием, вольно или невольно устанавливает пределы «Своего», раскрывая для «Своего» то, чем Свое обладает [6, с. 30–31, 144–145]. Другой – не только строго обозначенный предел, ограничивший Собственное. Другой есть способ присутствия человека в мире, структура поля понимания, без которой поле не могло функционировать [7, с. 85]. Собственное, не осознав себя и свои границы, оставалось бы

непроявленным, «покоящимся» в самодостаточности: так, как это описано в самых разных мифологиях Абсолюта. Именно это – возвращение в «покой самобытия» и происходит тогда, когда та или иная часть Своего оказывается вне контакта с внешним или внутренним Другим, или, когда она приводит себя – туда – с той или иной целью, проходя через цепочку «воплощение – превращение – осуществление», от ино-бытия к со-бытию и само-бытию. Перевод дает тексту новую жизнь, извлекая его из молчания, из само-бытия через со-бытие прочтения в ино-бытие. «Я» развивает свое бытие, его границы, благодаря Другому, за счет Другого, и, таким образом, развивает в этом «за счет» бытие самого Другого. Опыт Чужого существует как опыт почти или полностью непреодолимого отсутствия [3; 4]. Чужое – всегда непостижимое, которое, будучи обретенным и познанным Своим (освоенным), исчезает в Своем [5]: перевод уничтожает то, что не может понять, что недоступно пониманию, поскольку отсутствует способ, концепт или форма, позволяющая выразить Другость – даже «между строк». Вместе с тем попытка понять Чужое как Иное, Чуждое, может столкнуться и с тем, что Чуждого нет. Иллюзия Чуждости также распространена, как и иллюзия его непреодолимости: в диалоге, в процессе взаимопонимания, по мере формирования и развития «со-бытия», многочисленных превращений и возвратов в свое. Понимая Чужой текст – в исторической или диахронической перспективах, – переводчик рассматривает опыт Чужого лишь как более или менее понятный вариант опыта Себя [6]. Понимание Чужого всегда есть истолкование его на своем, понятном человеку языке, независимо от того, насколько «свой» и «чужой» языки (способы понимания) совместимы [4, с. 16–17, 62–63]. Через признание самодостаточности и потенциального субъектного статуса Чужого возможна попытка войти с ним в диалог, в «диалогическое проникновение в познаваемый смысл» [8] и достичь двустороннего развития. Аллопластичность (alloplastic), осуществление развития за счет взаимодействия с Другими/Чужими, существует в противоположность автопластичности (autoplastic), ищущей развития в собственных границах и ресурсах [9]. Однако у «жизненного горизонта» переводчика как соавтора и у «жизненного горизонта» автора и принадлежащего ему текста, несмотря на всю его изменчивость и «упругость», есть лимит трансформации, превышение которого оказывается фатально для текста [10, с. 236, 242]. Игра Чужого и Своего – лишь способ понять что-то о лежащей вне них, величественной в своей смысловой бесконечности, абсолютной реальности. Что-то – что позволяет, заявив о ее величии, понять «ничто»-жность того, что называется «Своим» и «Чужим», осмыслить «нигде»-шность «Своего» и «Чужого» в Абсолютном, не имеющем начала и конца мире. «Экстенсивное» («пространство» культуры) обменивается или подменяется на «интенсивное» («новый» элемент культуры) [1; 2; 11]. Отношения между субъектами как авторами и переводчиками, между производимыми ими текстами оформляются в том числе и за счет выделения различных по степени эксплицитности

границ в типы межсубъектных барьеров (латентных, дискурсивных, договорных, конфликтных и др.) и типы дискурсов – языковых правил и логик, а также нарративов – историй взаимодействия субъектов, включая данные барьеры и логики [12, с. 88, 91; 13; 14]. Способ осмысления соотнесен с ценностями и целями – интенциями понимающего [15, с. 9, 217; 16, с. 73–145, 17, с. 80; 18, с. 125; др.]. Понимание есть, вместе с тем, «попытка прорыва сквозь данность»: понимание есть попытка думать о чем-то, не «теряя с ним контакт» [19; 20]. Границы инобытия и самобытия в событии встречи исчезают, чтобы возникнуть в новом времени-пространстве (ситуации) – как преобразованные. К. Солер [21] выделяет три способа «практического разрешения выхода»: (1) субъект удовлетворяется полученным знанием, которое он рассматривает как разгадку своей позиции и уловок, ориентировавших до этого его отношения с другими, находя некоторую формулу истины, которая составляет основу его личности (*fin mot* или *mot de la fin*, «разгадка» становится «словом конца»); (2) более остро ощущая тот факт, что истина может быть лишь полусказана, субъект отказывается от анализа, не стараясь более придать основание упорству и выходу из него. «Баста» определяет выход «как бы взятый на измор», выход через признанное бессилие: отсутствие *mot* (последнего слова) ведет к *motus* (ни слова); (3) субъект полагает решение найденным, проходя через «испытание бессилием», перед невозможным: совершает поворот от бессилия к невозможному, осознавая и принимая выбор в ситуации невозможности выбора, необходимость понимания в ситуации его невозможности и т.д. Эти выходы через веру в истину, неполноту и невозможное неравноценны в смысле «исчерпания ресурсов символического» (способов формирования субъектом смысла происходящего в его внутреннем и внешнем мирах, в переводимом тексте):

1) первый выход предполагает оправдание «наивных надежд» на простое и фрагментарное понимание переводимого, пренебрежение и игнорирование тупиков и рассогласований, отказ от собственного усилия к пониманию, удовлетворенность поверхностным и частичным «знанием», сведение перевода к дословному и поверхностному, лишенному обертонов, пониманию;

2) второй выход – надежды точно и полно понять переводимое не оправдываются, но субъект дорожит ими из-за бессилия (своего или другого), не умея иного, удовлетворяется наличным, констатируя невозможность полноты и точности. Он вылавливает из множества смыслов доступные и интересные ему в данный момент, останавливаясь там, где иные варианты неинтересны и не могут быть внутренне освоены и развиты, игнорируя и исключая из текста перевода «загадки», образуемые смысловыми лакунами и неточностями;

3) третий выход предполагает заключение невозможности полного и точного понимания переводимого. Он имеет эффект «выходящего за предел» отказа от изменения. Или приводит к попыткам осуществления невозможного как невозможного («пусть невозможно, но я попытаюсь»).

В качестве примера приведем перевод стихотворения «Tie a yellow ribbon» / «Повяжи желтую ленту» Ир. Ливайна и Л. Р. Брауна. В США подвязывание таких ленточек – знак солидарности с заключенными или заложниками. С. Смирнов сохранил достоинства авторского текста, его прочтение – и перевод, и оригинал, в котором видны переживания автора и героя по поводу непонимания – себя и мира, а также – дан, хотя и скупое, скрытно, как «желтая ленточка», как намек на культурно-исторический контекст. Двигаясь от фразы «И все, что стало ныне не моим» до фразы «И вот теперь – последний поворот, Автобус аплодирует и радостно ревет!», автор раскрывает не просто переживания и представления героя и события, случившиеся с ним как индивидом, но, хотя и небольшой, фрагмент истории целого народа. За этими фразами прячется история «поворотов» в отношении к военнопленным и узникам. За ними спрятан и намек на историю войны и отношение к тюрьмам в целом. Истории, это отношение остаются за текстом стихотворения, но намекают на существование историй непринятия, забвения, игнорирования обществом своих членов, переживших и переживающих опыт заключения: «...останусь я в автобусе один».

Повяжи желтой лентой

Дорогой старую вернусь домой,
 Но как мне знать, что ныне ты со
 мной?
 Прочитаны ли письма, что
 выстраданы мной?
 И если да, то знаешь как
 Подать мне солнца знак?
 Тот солнца яркий знак!
 На дубе ленту желтую лишь повяжи!
 Что нужен я тебе – ты этим мне
 скажи!
 Прошло три года,
 Все может быть другим...
 Тогда останусь я в автобусе один,
 Поеду дальше, если не увижу ленты
 дым,
 Забуду все о нас...,
 И все, что стало ныне не моим.
 Водитель, слышишь? Веришь ли ты
 снам?
 Боюсь того, что вдруг увижу там...

И чувствую, что я еще в плену,
 А ключ у той, которую люблю!
 Лишь лента желтая – все, что нужно
 мне,
 Та лента желтая, что видел я во сне!
 Ты ленту лишь на старом дубе
 повяжи!
 Что ждешь и помнишь – знаком
 подскажи!
 Три года минуло,
 Могло все стать другим...
 Тогда в автобусе останусь я один,
 Поеду дальше я путем чужим.
 Сам буду виноват,
 Что не увидел лент тех желтый дым.
 И вот теперь – последний поворот,
 Автобус аплодирует и радостно ревет!
 Глазам не верю, быть не может, нет...
 На старом дубе сотня желтых лент,
 На старом древнем дубе
 Сотня желтых лент!

Перевод есть освобождение текста из «плена» потенциальности «смыслового универсума». Он предполагает осмысление наиболее доступных переводчику смыслов текста, а также – их повторное сокрытие, насыщение

текста подтекстами и интертекстами, позволяющими читателю отличной и исходной культуры понимать текст во всей его полноте: переводчик лишь «повязывает желтую ленточку» там, где он обнаружил «зерно истины» или сокрытую от наивных глаз «машинного перевода» тайну, усмотрел обращение к смысловому пласту, далекому от непосредственно описываемой ситуации. Современная «интертекстология» и «нарративология» обращают особое внимание на те аспекты смысла, которые прячутся «между строк», «на полях», в «между-текстах» и в «историях» текстов: грамотный переводчик учитывает именно эти, неявные смыслы как опорные. Опираясь на них, он реконструирует внешний каркас текста, оставляя в нем знаки – «желтые ленточки», маркирующие глубинные смыслы, послужившие первоосновой текста, по-прежнему ждущие своего «освобождения» в процессе прочтения перевода заинтересованным читателем – третьим «соавтором» текста. Смыслы как пленники – ждут своего освобождения и принятия: полного или частичного, но обязательно – любовного, ждущего их. Умение переводить и умение читать предполагает, таким образом, любовное отношение к смыслам, стремление «распаковывать» смысловой континуум текста и считывать варианты «распаковки», предлагаемые автором и переводчиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арпентьева, М. Р.* Ксенопсихотерапия: космические путешествия и трансформации в научно-фантастических произведениях / М. Р. Арпентьева // *Философия и космология.* – 2015. – №1 (V. 15). – С. 163–181.
2. *Арпентьева, М. Р.* Ксенология в исследованиях мультикультурного диалога / М. Р. Арпентьева // *Слово, высказывание, текст : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф., 25 сентября 2015 г. / отв. ред. Т. В. Плесканюк.* – Нижний Новгород : ИП Краснова Н. А., 2015. – С. 25–31.
3. *Гуссерль, Э.* Идеи к чистой феноменологии / Э. Гуссерль. – М. : Лабиринт, 1994. – 110 с.
4. *Гуссерль, Э.* Начало геометрии / Э. Гуссерль. – М., 1996. – С. 16–17, 62–63.
5. *Ванденфельс, Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б. Вандерфельс // *Логос.* – 1994. – № 6. – С. 77–90.
6. *Подорога, В.* Феноменология тела / В. Подорога. – М. : Admarginem, 1995. – 380 с.
7. *Делез, Ж.* Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делез // *Комментарии.* – 1996. – № 10. – С. 85.
8. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
9. *Magdalino, P.* The History of the Future and its Uses / P. Magdalino // *The Making of Byzantine History / eds. by R. Vcaton and Ch. Roueche.* – L., 1993. – P. 3–34.
10. О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли // *От Я к Другому / под ред. А. А. Михайлова.* – Минск : Навука, 1997. – 340 с.

11. *Асмус, В. Ф.* Историко-философские этюды / В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1984. – 120 с.
12. *Блакар, Р. М.* Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88–91.
13. *Дейк, ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 420 с.
14. *Коротеева, В. В.* Этнические символы и символическая природа этничности / В. В. Коротеева // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. – М. : Прогресс, 1994. – С. 39–50.
15. *Батищев, Г. С.* Деятельная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. – М. : Наука, 1969. – С. 73–145.
16. *Бенвенист, Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Культура, 1995. – 460 с.
17. *Гадамер, Г.-Г.* Истина и метод / Г.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 340 с.
18. *Кун, Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
19. *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М. : Иностранная литература, 1958. – 134 с.
20. *Мамардашвили, М. К.* Сознание как философская проблема / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 45–56.
21. *Солер, К.* Клинические уроки перехода / К. Солер // Логос. – 1992. – № 3. – С. 178–189.

The article is devoted to the problems of translation as a process and result of understanding, dialogue with the text and its author in the translation process. Special attention is paid to understanding in the xenological term. Possibilities and limitations of text comprehension of meanings are created by the author in its structure: «within» and «between the lines».

А. Ю. Атрашкевич
Минск, БГУ

САТИРИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ В РОМАНЕ ДЖ. ХЕЛЛЕРА «УЛОВКА–22»

Работа посвящена исследованию путей и приемов создания сатирического эффекта, использованных Дж. Хеллером в романе «Уловка–22». На основании проведенного анализа автор делает вывод о том, что среди всех приемов реализации сатирического эффекта основными в романе являются ирония, пародия и гипербола. В статье также приводятся наиболее яркие примеры использования данных приемов. Кроме того, рассматриваются понятия-символы, отраженные в романе, раскрываются задача и идея романа.

Одной из главных задач романа «Уловка–22» («Catch–22» J. Heller, 1961) является высмеивание бесчеловечного военного механизма на фоне инстинкта самосохранения, заложенного в каждом человеке. Представляя ситуации военного времени в смешном виде и приводя необоснованные аргументы, автор произ-